

Тех, кто, будучи привлечён именем Резо Габриадзе, автора сценариев к культовым комедийным советским фильмам «Не горюй», «Мимино», «Кин-дза-дза», решит сходить на новый спектакль в Александринку развлечения и смеха ради, хочу предостеречь. Просмотр спектакля «Какая грусть, конец аллеи...» по пьесе Резо Левановича – это работа. Работа для души. Нет-нет, здесь есть и парадоксальные ситуации (достаточно сказать, что почти всё действие проходит на кладбище, а половина персонажей – надгробные памятники), и комические персонажи, такие, как оживший громкоговоритель на столбе, но всё это – лишь оболочка для хрупкой и звонкой хрустальной печали.

Собственно, таким и должен быть театр: не средством развлечения, а способом достижения катарсиса. И тем более странно мне было прочесть постфактум критическую статью Вячеслава Резакова, которого я приняла, было, за очень юного журналиста, пока ещё мало что понимающего в жизни, не жившего в советской многозначной действительности, и самовыражения для сыплющего глубокомысленными благоглупостями. Позволю себе цитату: «Габриадзе принёс непривычный ориентализм. Не грузинский. Со сцены веет американской драматургией южной шко-

лы. Холодок фамильных склепов, голоса чернооких красавиц...», — рассказывает Резаков. Где, Вячеслав, в каком месте этой пронзительной и очень грузинской повести о любви, прорастающей прекрасным цветком сквозь кладбищенские сорняки, увидели вы склепы и чёрные очи? Наверное, молоды вы очень, если эта нежная сага не вызвала в вас, по вашему собственному признанию, никакого эмоционального отклика. Я даже сверилась с Яндексом. Но нет. Журналист вполне зрелый, с 25-летним стажем, а, стало быть, наверняка, знаком с творчеством великого Данелии, днями от нас ушедшего, в дуэте как раз с Резо Габриадзе и создававшего перечисленные выше фильмы, наверное, как все мы, смеялся и плакал над ними. Ну да бог с ним, с журналистом.

Мне старая/новая пьеса Габриадзе напомнила скорее «Цвет граната» Параджанова. Только Сергей Иосифович ткал свою кинопоэтику из красок, цветов и визуальной пластики, а Резо Левонович — из серебристых паутинок словесных образов. Но то и другое — Поэзия. Именно так, с заглавной буквы. Это первое, что поражает в спектакле: образность языка. Начинаешь вытирать влагу под ресницами уже на первых минутах, когда увозимая в ссылку прямо со сцены актриса Мери произносит свой первый короткий монолог, да так и не перестаёшь плакать все два часа, что длится спектакль. А когда Мери после 17-летней каторги возвращается в родной городок, на кладбище (куда ж ещё, если здесь все, кого она любила — умерший в миг её ареста муж, сентиментальный лирик артист Давид и даже извечный циник Яша), беседует с надгробными памятниками, устраивает им маленькие представления, чтобы облегчить душам их одинокие странствия, уже не слёзы, а рыдания подступают к горлу. Это, Вячеслав, очень грузинская песнь, пропитанная очарованием кутаисских двориков с открытыми в лето окнами. История боли, которую испили наши дедушки и бабушки. Рассказ об интеллектуалах, в страшные годы войны и репрессий либо вымерших, либо всё потерявших, но оставшихся людьми. Трагичная повесть о нас, потерявших великую страну, на чьей заброшенной могиле мы все живём. И это история любви во всеобъемлющем смысле этого слова. Любви к «ореховой полочке с томиком Ибсена на ней», к музыке Шопена, который, по словам Давида, «всё доброе, нежное, проникновенное, что было в фортепиано, похитил для своих 24 прелюдий», к пьяной распущенной глицинии за забором, к последней цикаде в осенней траве. К повзрослевшей без тебя дочери, к которой и спустя годы нельзя подойти и прикоснуться,

чтобы не запачкать собственным клеймом врага народа. К мужу, конечно, с которым через тысячи километров из далёкой ссылки связывала все эти годы придуманная Мери «трепещущая ниточка самых нежных слов».

Когда хороший режиссёр встречается с правдой хорошего текста, возникает синергетический эффект. Энергетика автора, помноженная на восприятие постановщика, заряжает и подпитывает актёров, чья психофизика становится проводником, к нам, зрителям. Вот при всех этих условиях и рождается театральный шедевр. А тот факт, что к Габриадзе в Тбилиси неоднократно ездили режиссёр Андрей Калинин и ассистент художника-постановщика Юрий Сучков, чтобы обсудить мельчайшие детали написанной ещё в 1993 году и поставленной тогда же в Лозанне пьесы (об этой постановке практически ничего неизвестно), даёт уверенность в том, что мы имеем дело с не искажённым режиссёром видением драматурга. Сам автор утвердил и исполнительницу главной женской роли.

Мери – Ольге Белинской – досталась не самая лёгкая задача. Три... нет, четыре роли в одной, и все сыграны безупречно, не сыграны – прожиты с драгоценными от настоящести слезинками в глубине глаз. Не проще и народному артисту России Сергею Паршину в роли Давида: полспектакля простоять на постаменте в ограничении выразительности пластики, а другие полспектакля пролежать в бутафорской луже на авансцене и ни разу не выйти из роли – это дорогого стоит. В спектакле вообще нет ни одной фальшивой ноты, а у зрителя нет ни одной минуты, когда бы он усомнился в том, что надгробные памятники – более настоящие и тонко чувствующие, чем вроде бы живые советские служащие, загробными тенями скользящие в эпизодах.

Резо Габриадзе не даёт нам увидеть свет в конце кладбищенской аллеи. Его Мери устала и утратила надежду. Она уходит в конце спектакля к тем, кого так любит. Но ведь не случайна эта строчка из Фета в заголовке, давшая название пьесе. И вот он, искомый свет:

*А всё надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,
Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,-
И посвящённым только зримо
Цветёт весна и красота.*

Люди, ищущие в театре средство от скуки, в музее – возможность выложить своё фото на фоне известного холста в Инстаграм, не ходите на спектакль «Какая грусть...». Ибо сказанное устами Мери Резо Габриадзе: «Не обходите паутинку с росинкой, не думайте о её красоте! Рвите! Проходите! Пролетайте!» – это про вас.

Санкт-Петербург Апрель 2019 г.